

Любовь

Машкова

ЕВГЕНИЙ СИДОРКИН. ВЕНОК ПРИЗНАНИЙ

В мае 2015 года исполняется 85 лет Евгению Матвеевичу Сидоркину, известному казахстанскому графику, народному художнику Казахстана, лауреату Государственной премии Каз.ССР. К этой дате будет приурочена выставка его работ в Государственном музее изобразительного искусства им. А.Кастеева. Евгения Сидоркина не стало в сентябре 1982 года, на взлете творчества, когда еще всем памятна была прошедшая с большим успехом в Алма-Ате его персональная выставка к 50-летию юбилею.

Прошедшие годы показали, что время действительно не властно над настоящим искусством. И в независимом Казахстане востребованы его работы, воплощение его мощного и своеобразного таланта. Доктор философских наук Гульмира Шалабаева, автор труда «Онтология художественного метода Евгения Сидоркина», пишет: «Значение творчества Евгения Сидоркина для казахского изобразительного искусства громадно, оно... помогает проникнуть в душу и сердце казахского национального мироощущения и мирозерцания. Он оказал мощное влияние на формирование последующих поколений художников и даже на своих современников, как графиков, так и живописцев... Благодаря яркой индивидуальности, дарованию Мастера мы имеем возможность осознать богатство нашей культуры».

Предлагаемые воспоминания о Евгении Матвеевиче записаны в разные годы, от разных людей, некоторых из них уже нет с нами. Но все вместе сегодня они собрались в своеобразный венок признаний Евгению Сидоркину, венок его памяти.

Гульфайрус ИСМАИЛОВА, *народный художник Казахстана:*

– Нельзя было не любить Евгения Матвеевича Сидоркина. Я, может быть, и состоялась как художник благодаря ему, благодаря тому, что он заинтересованно и с уважением говорил о моем творчестве. А я пошла в искусство в вечном сомнении. В сомнении: хочу или не хочу, могу или не могу, состоюсь я или нет. Хорошо, что у меня был такой друг, любимый человек, мой муж, который мне всегда подавал надежду, что я могу, я сделаю. Но что удивительно, он тоже был в

постоянном сомнении. Он силу своего таланта никогда не чувствовал. Он всегда мне говорил: если бы ты понимала, в каком я великом сомнении. Я понимала. Как и то, что если мне никто не скажет, что я хороший художник, мир для меня не кончится. У меня есть муж, у меня есть сын. Совсем другое дело – мужчина, Сидоркин, для которого его искусство было всем. Евгений Матвеевич работал в вечном сомнении: то ли он делает, так ли он делает, несмотря на то что в 35 лет он получил международное признание. И это было трагическое сомнение. В вечном сомнении ушел он из этого мира. Хотя все вещи, которые он сделал, уникальны.

Он педагог был в сути своей, в своем мышлении. Он не читал лекций, но умел говорить доходчиво с молодежью, будучи в Сенеже руководителем секции молодых художников Советского Союза. Все, кто с ним соприкасался, прямо ждали, что он подкинет им спасительную мысль, даст опору, чтобы не утонуть в неведении. Например, о том, как состояться в такой сложной профессии. Он всегда говорил: «Любишь – делай, не любишь – бросай». Он еще говорил, что человек рожден созидателем, он должен что-то создавать, чтобы жизнь не прошла впустую. «Если не ваять, то хотя бы вязать – это тоже творчество». Он им рассказывал, что такое искусство, как посвятить себя искусству. Евгений Матвеевич всегда говорил, что нужно жить достойно, по совести, успех нельзя добывать ценой унижения, предательства. Мне бесконечно жаль, что он не смог стать учителем нашему сыну, что он так рано ушел. Думаю, у Вадима совсем по-другому сложилась бы творческая жизнь.

Сидоркин входил в различные худсоветы и на всесоюзном уровне, и на республиканском. В Москве он был членом экспертной закупочной комиссии и в Алма-Ате входил в эту комиссию. И он всегда умел защитить художника, когда чувствовал, что это настоящее, от сердца, что это не халтура. Я хочу сказать что у настоящего художника, профессионала, когда он видит, что его коллега делает значительные вещи, у него никогда не повернется язык сказать что-нибудь дурное о работе товарища. Он знает, чего стоит такой труд.

У Сидоркина не было непосредственных учеников, но на развитие графики и станковой, и книжной в Казахстане Евгений Матвеевич Сидоркин очень повлиял. Мне говорил художник-график Альберт Гурьев, заслуженный деятель искусств Каз.ССР, который учился в полиграфическом институте в Москве, что, выбирая место работы по распределению, поехал в Алма-Ату, потому что здесь работал Сидоркин. Он поднял культуру казахстанской графики на очень высокий уровень, он прославил изобразительное искусство Казахстана за рубежом. Заслужить такое признание за очень короткую творческую жизнь, я считаю, – это великое достоинство художника. Евгений Матвеевич Сидоркин и для современной молодежи, которая живет и работает совсем в других условиях, пример того, как нужно ответственно распорядиться своим талантом, своей жизнью, не растратив ее впустую.

Камилла ЛИ, искусствовед:

– Какую бы полную экспозицию работ Евгения Сидоркина мы ни смотрели, в сознание поневоле приходит мысль: какой могла бы быть эта выставка, если бы Евгений Матвеевич был с нами до сих пор, все эти двадцать лет. Буквально перед смертью в одном из разговоров он сказал: только сейчас я начал понимать,

что такое искусство и что я должен сделать, и только сейчас я знаю, как мне развиваться дальше, над какими темами работать, какой пластический язык искать. Но это оказались уже слова прощания. И вот это, как недопетая песня, как недосказанное слово, остается всегда внутри тебя, когда ты смотришь на его работы. И сейчас, когда прошло уже достаточно много времени, мы поражаемся высокому профессионализму, который свойствен искусству этого мастера, необыкновенной внутренней глубине постижения иной этнической культуры, его большой и доброй душе, чувству юмора, с которым он относился и к себе, и к окружающим, и к искусству, – и все это выражают его работы. И об этом можно много говорить. Но мне бы хотелось вспомнить, что Евгений Матвеевич, помимо того, что он замечательный художник, уникальный график, был разносторонне представлен в различных сферах творчества. Например, он первым стал делать монументальные граффито и мозаичные фрески на фасадах зданий и вводить в них национальные элементы, что в то время для нашего монументального искусства не было свойственно. Он вел школу графики в Доме творчества «Сенеж», и получаемые в этих группах знания можно было сравнивать с академическим образованием. И совершенно потрясающая его работа, когда он был приглашен художником-постановщиком на балет «Фрески» в Государственный театр оперы и балета имени Абая. Конечно, Гульфайрус Мансуровна помогала ему делать костюмы, но все эскизы, вся сценография была его, и в то время это было новое слово.

Надежда ПОЛОНСКАЯ, *искусствовед, директор галереи «Ретро»:*

– Я считала Евгения Матвеевича другом, мы много общались неофициально, с Гульфайрус Мансуровной мы до сих пор поддерживаем отношения. Познакомилась я с ним впервые, когда студенткой писала курсовую на тему: «Книжная графика Сидоркина». Я приехала из Балхаша, он пригласил меня в мастерскую, показывал свои работы. Только-только тогда прозвучал его «Путь Абая», это была последняя его большая работа. Он показывал, рассказывал, я, как все студенты, пыталась все запомнить, и в какой-то момент он говорит: давайте я вас познакомлю с лучшим книжным графиком Казахстана. И знакомит меня с Альбертом Гурьевым. И этот момент для него настолько показателен! Можно понять, когда скульптор хвалит живописца, живописец хвалит графика, но чтобы график назвал своего, говоря сегодняшним языком, конкурента – лучшим – это говорит о широте его души. И это свойство гениального человека. Мне попала недавно работа, которую он подарил Николаю Степановичу Гаеву еще в конце пятидесятых, он ее подписал – «мэтру». Он умел ценить труд коллег, особенно когда этот труд был искренним. Сказать, что мы в голос рыдали, когда его не стало, – это значит ничего не сказать. Эта потеря болезненно коснулась молодежи. Он много лет руководил молодежным объединением Союза художников Казахстана. Он был для них добрым отцом, он умел разглядеть в незамысловатой работе искру таланта, умел ее подчеркнуть, выявить. Потому его уход для многих был личной трагедией. Я вспоминаю нашу последнюю встречу. Обычно у нас была общая тема разговора: как похудеть. Он мне говорил: мы с вами в одной весовой категории, и мы делились всякими диетами. А тут встретились, он такой похудевший. Я сразу: как вам это удалось? Он говорит: не ем ничего. Я говорю: вот наберусь тоже силы воли... А он так грустно: Надюша, ешьте, пока можете, а я вот не могу и не хочу. И буквально дня через три он попал в больницу, откуда его выписали

домой уже как безнадежного. И к нему пошел народ – повидаться, попрощаться, поговорить. А я не смогла. Так получилось, что в старой его квартире я много бывала, а в новой, которую он получил незадолго до смерти, – ни разу. И я боялась, что он поймет, что я пришла прощаться. Гуля как-то у меня спрашивает: а что ты не заходишь? И я ей объяснила. А она так на меня посмотрела задумчиво и говорит: Павел Яковлевич Зальцман тоже так думает и не приходит. Ну и не приходи... Конечно, все его друзья помнят Евгения Матвеевича Сидоркина, но это было бы гораздо труднее для нас, если бы не было Вадима Сидоркина, который так много делает для сохранения этой памяти, для поддержания этой памяти, который хранит этот святой огонек.

Гульмира ШАЛАБАЕВА, доктор философии, директор галереи «ОЮ»:

– С семьей художников Евгения Матвеевича Сидоркина и Гульфайрус Мансуровны Исмаиловой наша семья дружит давно. По сути дела, открыть художественную галерею меня сподвигла Гульфайрус Мансуровна. И для меня всегда праздник выставлять здесь работы таких мастеров. Хотя выставка этого года была посвящена двум грустным памятным датам – годовщине нью-йоркской трагедии и двадцатилетию со дня смерти Е.М.Сидоркина. А ровно двадцать один год назад в Нью-Йорке во Всемирном торговом центре состоялась самая представительная выставка в истории культурных взаимоотношений Казахстана и США. Видное место в ее экспозиции занимали работы народного художника республики Евгения Матвеевича Сидоркина, и его же работа из серии «Алпамыс» была использована для плаката этой выставки. Он настолько глубоко понял и прочувствовал национальную культуру казахского народа, что его творчество стало неотъемлемой частью истории казахстанского изобразительного искусства. Мы выпустили художественные альбомы народной художницы РК Гульфайрус Исмаиловой и живописца Вадима Сидоркина, сейчас подготовлен к печати альбом Евгения Матвеевича Сидоркина. Думаем, он станет настоящим подарком для поклонников его уникальной графики.

Бибигуль ТУЛЕГЕНОВА, народная артистка СССР:

– Для меня каждая встреча с работами нашего любимого Евгения Матвеевича Сидоркина – Женечки, как мы его звали, – это всегда счастье. Работы его самобытны, они ни на кого не похожи, и сколько бы лет ни прошло, не теряют своей новизны. Поэтому они и имеют такой мировой успех. В 1981 году мне тоже довелось быть с делегацией в Нью-Йорке и выступать во Всемирном торговом центре. Я помню интерес американцев к нашему искусству, к работам наших художников, где яркой самобытностью, проникновением в национальные истоки выделялись работы Сидоркина. К ним действительно, по выражению Пушкина, не зарастет народная тропа, потому что они передают дух казахского народа и приобщают нас к высокому искусству. Я же встречаю на стендах эти работы, как своих добрых друзей, ведь они создавались в тот период, когда мы тесно общались с Евгением Матвеевичем, живя по соседству. Мы с ним спорили, иногда ссорились и много говорили об искусстве. Потом, когда мы садились на кухне пить чай, он подводил итог нашим дискуссиям: «Ну ладно, бабы, теперь вы сплетничайте, а я пошел работать». А Вадик, маленький, сидел в это время между нами в мастерской и что-то лепил. И мы всегда думали, что Вадим определенно будет скульптором. Но он

вобрал в себя и мамину и папину профессию и стал замечательным живописцем, продолжателем творческих исканий своих родителей. Я думаю, что любовь к Казахстану у Евгения Матвеевича возникла из любви к своей жене – Гульфайрус Мансуровне, вслед за которой он из Ленинграда, где они вместе учились в Академии художеств, приехал в Алма-Ату. И эта любовь его окрылила и дала силы создать бессмертные творения, которые останутся в веках. И чем дальше будет идти время, тем очевиднее будет для нас и наших потомков его гений.

Людмила ЛИ, *заслуженная артистка республики*:

– Постановка балета «Фрески» в Государственном театре оперы и балета имени Абая в 1982 году стала настоящим событием, потому что собрала целое созвездие имен. В основу его была положена «Глиняная книга» Олжаса Сулейменова, музыку написал очень талантливый, молодой тогда композитор Тимур Мынбаев, а ставил Заур Галиевич Райбаев, главный балетмейстер театра. Настоящим же открытием стала работа в качестве сценографа народного художника Казахстана Евгения Матвеевича Сидоркина. Для нас, артистов, встреча с художником происходит уже на последних – сценических, оркестровых, световых репетициях, когда мы начинаем танцевать в готовых декорациях. И если до этого у нас к Евгению Матвеевичу был интерес, как к мужу главного художника нашего театра Гульфайрус Мансуровны Исмаиловой, то здесь мы увидели – и наши костюмы, и декорации, и свет, который ставил сам художник, – потрясающе! «Фрески» – это сценическое воплощение эпоса современным хореографическим языком. Но для нашей сцены был и этот язык, и музыка, и сценография. Сложность же еще заключалась в том, что после сдачи балета в Алма-Ате премьеру мы танцевали на гастролях в Ленинграде в Малом (Александринском) театре. Как мы волновались! Но Евгений Матвеевич в своих декорациях все угадал. Он открыл всю сцену – и это были вольные степные просторы диких племен. Золотые декорации на черных сетках, прозрачный занавес, дающий дымку на наши обнаженные тела, потрясающее освещение курганов и 11-метровой каменной бабы, разрушаемой в ходе действия... Графичен был рисунок танца, графична была музыка, графичны были декорации. Успех был потрясающий. В зале яблоку негде было упасть. Это я увидела, когда мы – Майра Кадырова, Рамазан Бапов, Дюсенбек Накипов и Нуржекеев – вышли на поклон. Нас было всего пятеро танцовщиков, без второго состава. После спектакля Рамазан Бапов, очень известный уже тогда в Москве, пригласил к себе в номер своих друзей из Мариинского театра. Все они хотели познакомиться с Евгением Матвеевичем. А мы же, балетные, очень эмоциональный народ, все стали говорить, какой он гениальный. Помню, он смотрел на нас, как на детей. Слушал нас, а сам не расставался с блокнотом, рисовал. Гульфайрус Мансуровна в том году как раз работала над моим портретом. И Евгений Матвеевич сделал мой портрет в роли Невесты из балета «Фрески». Позже Гульфайрус Мансуровна мне его подарила. Царский подарок! В Ленинграде мы еще станцевали премьеру «Фресок» в зале консерватории имени Глинки. Резонанс был очень положительный. Казахстанская пресса, к сожалению, мало писала о наших гастролях, и сам этот балет – такой яркий, великолепный, необычный – не получил, на мой взгляд, должного внимания и оценки прессы и специалистов, так же как и потрясающая работа в нем Евгения Матвеевича Сидоркина.

Владимир КАЦЕВ, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств:

– Мы познакомились с Евгением Матвеевичем Сидоркиным в 1957 году на первом Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Тогда же я увидел его работы – иллюстрации к басням Сергея Михалкова, и меня поразило его чувство юмора, которое оказалось очень свойственно ему и в жизни, и в творчестве. Сатира и юмор пронизывают его работы по «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, которые насыщены аналогиями с современной действительностью: народ спивался «Портвейном» № 12 и водкой «Экстра» и другие детали, которые замечались цензурой порой в последний момент и корректировались. Но что-то и оставалось. Например, для «Сна идиота» он просил меня разыскать ему архитектурные памятники, снесенные за годы советской власти. Там были московские Храм Христа Спасителя и Сухаревская башня, которые и вошли в листы. Но в результате его заставили сделать просто груды развалин. Я хорошо знал Евгения Матвеевича и видел, как он работал. Мне посчастливилось работать с ним на двух объектах – мы выиграла с ним и Олегом Богомоловым конкурс на фронтоны театра имени Мусрепова, который, по-моему, до сих пор неплохо смотрится и не теряет своей свежести, а на Дворце спорта мы делали граффито на спортивную тему.

Он был красивым человеком во всех проявлениях. Было красиво смотреть, как он работал. Меня всегда удивляла одна вещь. Когда смотришь на его произведения, в них «не видно пота», они сделаны будто на одном дыхании. Но вы бы знали, сколько пота в буквальном смысле слова он проливал над каждой работой! Это колоссальный труд – множество вариантов, эскизов всегда предваряли начало работы в материале. Он все пропускал через свое сердце, искренне все делал, и это было очень красиво. И даже будучи уже тяжелобольным, он продолжал работать в больнице. У него была такая толстая тетрадь, в которой он работал над иллюстрациями к «Слову о полку Игореве». И трактовка образа самого Игоря была совсем не та, что принята в официальных литературоведении и историографии. Он всегда глубоко вникал в образы своих героев, и потому зрители принимали за истинную именно его трактовку. Во всяком случае, таково мое впечатление, когда я смотрю на образы «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле или «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина в трактовке Сидоркина. Я убежден, что по-другому просто нельзя было сделать. Я, может быть, повторюсь, но в искусстве самое главное – это неуловимое «чуть-чуть», что отличает настоящее большое искусство от его имитации. Поэтому, как бы ни «раскручивали» художника, на некоторых выставках вспоминаешь сказку Андерсена: «А король-то голый!». В искусстве же Евгения Матвеевича было то, что делает его неповторимым, великим.

Семен ХАН, директор галереи «Инкар»:

– В мае 1992 года галерея «Инкар» выставила 100 работ народного художника республики Евгения Матвеевича Сидоркина. Это была первая посмертная персональная выставка и впервые такая всеобъемлющая после памятной еще всем его юбилейной, к пятидесятилетию, прошедшей в выставочном зале Союза художников. В экспозицию вошли станковые работы всех главных серий: «Из мглы веков», «Читая Сакена Сейфуллина», «Казахские национальные игры», «История одного города», «Гаргантюа и Пантагрюэль» и иллюстрации к «Пути Абая». Конечно, состоялась она благодаря тому, что предложение галереи нашло живое

участие в семье художника – у Гульфайрус Мансуровны Исмаиловой, Вадима Сидоркина, много делающих по сей день для пропаганды его творчества. Та же выставка в эпоху безвременья прозвучала подобно мощному культурному взрыву. На нее пришли друзья Евгения Матвеевича, еще живые корифеи литературы, кино, живописи, – Морис Симашко, Салехитдин Айтбаев, а также представители посольств и деловых кругов. Его работы были приобретены в частные коллекции посла Франции г-на Бертрана де Фуко и президента корейской фирмы «Панасоник». О Евгении Сидоркине вновь заговорили. Когда через два года галерея задалась целью провести выставку живописи Салехитдина Айтбаева (ставшую, к сожалению, последней прижизненной), Салехитдин сам захотел выставляться в обществе своих безвременно ушедших друзей – Евгения Сидоркина и Бориса Пака. И вновь выставка имела большой резонанс, Айтбаев ходил окрыленный. Сейчас, когда в Алматы ежемесячно открывается с десятков художественных выставок, трудно представить то время начала девяностых, когда художественная жизнь была полупарализована, когда не востребованными вдруг ощутили себя даже мэтры, когда забвение начало грозить большим мастерам. Сегодня можно сказать, что усилия, которые начала предпринимать галерея «Инкар» по сохранению и возвращению наследия Евгения Сидоркина, Бориса Пака, Ивана Бондаренко, Салехитдина Айтбаева, других шестидесятников, не прошли даром. Их работы составили золотой фонд самой галереи и вошли в собрание самых престижных частных казахстанских и зарубежных коллекций, ими стали заниматься вновь открывавшиеся галереи, укрепляя позиции подлинного искусства на формирующемся казахстанском артрынке.

Алдабек КУАНЫШБАЕВ, *главный хранитель музея Мухтара Ауэзова:*

– В 2002 году к 20-летию памяти народного художника Дом-музей Мухтара Ауэзова впервые выставил все 42 иллюстрации, сделанные Евгением Матвеевичем Сидоркиным к роману-эпопее Мухтара Омархановича Ауэзова «Путь Абая». Это и линогравюры 1957 года, и литографии 1972 года. Более поздний вариант, выполненный в новой графической технике, не исключает достоинств работы, сделанной тридцатилетним художником, напротив, подчеркивает тщательность проработки и глубину постижения абаевских образов. Как говорят профессионалы-художники, в ранних линогравюрах нет ни одной неверной линии! Тогда же, в 1957 году, увидев впервые эти работы, я был восхищен пониманием традиций, стиля, духа казахов, выраженных в них. Я и представить не мог, что это сделал не казах. Когда же на какой-то встрече мне показали его, как автора иллюстраций к «Пути Абая», я не мог скрыть своего изумления. Меня поразило выражение его лица. Он, наблюдая, молча слушал других, голоса его я так и не услышал. И подойти не посмел. Мы познакомились через пятнадцать лет, он сказал: я вас помню. И рассказал, при каких обстоятельствах мы встретились. И я снова поразился его наблюдательности, проницательности, знанию человеческой психологии. При внешней непроницаемости в его лице, жестах была доброта. Мы потеряли его так ошеломляюще неожиданно. И дело не только в молодом возрасте – 52 года, а именно в потрясающей неожиданности ухода на самой высоте взлета. Мой отец Калибек Куанышбаев дожил до преклонного возраста. Абаевские образы, которые он воплощал на сцене театра имени Ауэзова и в кино, подготовили меня к восприятию произведений Сидоркина, они оказались мне родными, совпали с

моими представлениями. В принципе, я через Абая открыл Сидоркина, а потом Сидоркин открыл мне моего Абая. И я не мог не удивиться мировой известности и славе, пришедшим к произведениям художника, как и многочисленным копиистам, переводившим его образы в иные материалы, тиражировавшим их. Но с этим уж ничего не поделаешь: от большого художника всегда подпитывается масса ремесленников. У нас в музее хранится керамическая тарелка, подаренная нам в Турции, с портретом Мухтара Омархановича и абсолютно сидоркинскими образами его героев. Когда-то нам приходилось видеть подобную на Капчагайском керамическом заводе. Это значит, что искусство Мухтара Омархановича Ауэзова и Евгения Матвеевича Сидоркина не имеет границ – ни государственных, ни социальных.

Еркин МЕРГЕНОВ, народный художник республики, председатель правления Союза художников Казахстана:

– Не часто так бывает, что слава приходит к художнику при жизни. В случае с Евгением Матвеевичем Сидоркиным можно сказать, что он был широко известен с самого молодого возраста, он был отмечен высокими правительственными наградами и Гран-при международных выставок. Его очень любили в Москве, в других союзных республиках, его работы объехали весь Советский Союз и многие страны мира, вызывая неизменное восхищение. Что тоже нечастое явление. Во-вторых, нельзя забывать о его воспитательной роли в жизни молодых художников. Он был прирожденный педагог. Его семинары по графике в Доме творчества в Сенеже, которые он ежегодно проводил, стали замечательной школой. Думаю, что сейчас немало художников в странах СНГ и Балтии могут назвать Сидоркина своим учителем. Кроме того, он долгие годы возглавлял художественный совет Союза художников Казахстана, чем немало способствовал становлению нашей изобразительной школы. В-третьих, это был блестящий человек, высокообразованный, высококультурный, с большим чувством достоинства, всегда великолепно одетый. Он с большим вниманием и пониманием относился к людям, к своим коллегам. У меня дома хранятся рекомендации в Союз художников, которые мне давали Сидоркин, Шарденев и Рахимжанов. Евгений Матвеевич написал, что он надеется, что я не только стану достойным членом союза, но и составлю его славу. Не знаю, удалось ли мне оправдать эти его надежды, но очевидно, что сам Евгений Сидоркин прославил и наш союз, и Казахстан. В графике, в композиции он добился для того времени ярких результатов. Он любил не столько объемные, сколько линейные решения, его линия удивительно свободна. Он вообще работал, ни на кого не оглядываясь. И его яркие, смелые композиционные решения повлияли на развитие современной графики. В искусстве вообще трудно судить и выдавать окончательные оценки. Не потому ли сами художники не склонны к поспешным выводам относительно творчества своих коллег, даже если оно развивается в неприемлемом для них русле. В многоцветии, разнообразии искусства – его сила, привлекательность, жизнестойкость. В стремлении привести всех к одним канонам – скука, рутинность, бедность. Поэтому пусть будут художники интересные и разные – Дали, Пикассо, Матисс, Сидоркин, Кастеев, и пусть рождаются новые, ни на кого не похожие мастера.

